

ЮРИЙ ШЕМЕЛИН

ДВЕ БОЛЬШИЕ РАЗНИЦЫ

Латиноамериканские заметки бывшего торгпреда

Случилось так, что на изломе 80-х я попал в группу сотрудников Министерства внешнеэкономических связей СССР, спешно отправляемых на работу в зарубежные представительства – торгпредства, подальше от предстоящей в центре работы по окончательному демонтажу системы монополии внешней торговли в стране.

В июле 1990 года меня отправили в долгосрочную командировку в качестве советника по торгово-экономическим вопросам нашего посольства в Коста-Рике с перспективой работы по совместительству в соседней Панаме. Эти перспективы вскоре стали явью, и, начиная с сентября 1990-го, панамериканское шоссе между столицами этих соседних стран стало мне знакомо до каждого придорожного ресторанчика на 900-километровом пути от Сан-Хосе-де Коста-Рика до Панама-сити, а потом, с 1994 года, – от Панама-сити. Продолжалось это 12 долгих лет, за которые многое поменялось и в этих странах, и вокруг в мире, да и во мне, и когда я вернулся на Родину, мне показалось важным не держать свой опыт и размышления втуне, а поделиться ими с возможно более широким кругом заинтересованных в этом людей.

О Латинской Америке, об этом уникальном конгломерате народов и культур, расположенном на сравнительно недавно открытом и освоенном континенте, где в 35 государствах живут чуть более 640 млн человек, написаны сотни исследований. Латиноамериканистика давно стала научным направлением во многих мировых научных школах, и мне хочется поблагодарить судьбу за то, что жизнь дала мне шанс узнать и полюбить эту Америку и её людей. Когда я узнал их языки, музыку, стихи и песни, романы, а самое главное – самих латиноамериканцев, мне, кажется, удалось понять и почувствовать это особое латиноамериканское ощущение мира и человека в нём и научиться прощать многое из того, что, как правило, кажется странным и непростительным, например, то самое знаменитое “hora latina”, которое может очень сильно отличаться от нашего понимания “прийти вовремя”: обижаться на опоздание даже на деловую встречу у латиноамериканцев считается дурным тоном.

Во встречах, разговорах и спорах с мужчинами и женщинами, и даже с детьми этой Америки постепенно пришло и ко мне то, что называется “полюбить Латинскую Америку”, её людей, этот “коктейль” трёх культур: западноевропейской и африкано-карибской культуры местных народов. Конгломерат народов с мягкой доверчивостью и стойкой обидчивостью на грубость, с готовностью поделиться всем и лежащим на поверхности плутовством в мелочах, да и по-крупному... А ещё – с демонстративным гостеприимством

и часто закрытостью в глубоко личном, уважением к авторитетам, склонностью к подчинению им и внешним фанфаронством, фатализмом и жертвенностью, трактуемой, как неизбежность, и вспыльчивостью, легко переходящей в ярость, склонностью к романтизму и вере — и всё это в форме “кабальеризма” и “мачизма” мужчин и изменчивости и непостоянства женских легковесных привязанностей, нежданно переходящих в ярость и готовность жёсткой мести за измену. Это как бы “смягчённая” мягкими тропиками и сладким воздухом испанская жёсткость и определённость чувств, сильно разбавленная радостной беспечностью бездумных, безнадежно бедных и непонятно почему счастливых обитателей райских Карибов.

Разумеется, все они, люди этой Америки, разные, но и в герое, и в негодяе, в обыкновенном человеке и в каждой выдающейся личности вы найдёте некие особые латиноамериканские черты. “Любить латиноамериканцев” вовсе не означает любить каждого из них, речь идёт о цивилизационном “отблеске”, как бы лежащем на каждом, придающем каждому своей *латиноамериканский* рисунок души. Конечно, социальная, классовая доминанта в этой цивилизации имеет тоже большое, часто ведущее значение, но и в бедняке, и в миллионере вы сможете прочесть этот особый латиноамериканский цивилизационный код.

И есть в этом коде ещё одна общая, исторически обусловленная черта. Народы Латинской Америки, как никто другой, в довольно короткий исторический срок хлебнули из горькой чаши зависимого экономического развития: от испанского и португальского рабского и затем феодально-латифундистского порабощения до империалистического неокOLONиального, а потом неолиберального, получившего в последнее десятилетие штамп так называемой глобализации. И эти же народы в течение всего этого периода, как нигде больше, массово явили миру разные формы сопротивления зависимости, от колониального испанского владычества до героического антиимпериалистического: от парагвайского сопротивления 1864–1869 годов до кубинской, никарагуанской, чилийской, боливийской и венесуэльской социальных революций, национально-патриотических форм военных диктатур в Перу, Панаме, крестьянских восстаний в Гватемале и Сальвадоре, партизанской войны марксистов в Колумбии, формирования своеобразных “компромиссных” экономических моделей развития хустиалистской Аргентины, Коста-Рики и Уругвая и с неожиданно массовым “левым поворотом” почти всего континента в начале XXI века. Зависимость и её формы, формы подчинения и формы сопротивления этой зависимости — главный экономический и исторический фон, на котором живут и действуют народы континента, преломляя через себя, своё культурное наследие и эту зависимость, и завоёванные формы своей особой идентичности.

На мой взгляд, в наиболее общем виде охарактеризовал в своих исследованиях современную форму экономической зависимости стран, в том числе и в эпоху глобализации, бразильский экономист и политический деятель Ф. Кардозо. (1). Это так называемая “анклавная” форма или структура экономики, где наибольшее развитие и инвестиционную подпитку — в основном извне — получает какой-либо один вид или отрасль производства, например, добыча минеральных ресурсов (Венесуэла, Перу, Боливия, Чили) или с/х сырья (Эквадор, Аргентина), или экологически неблагоприятные производства и даже отрасли промышленности — цветная и чёрная металлургия, химические производства (Бразилия, Колумбия, Мексика) или предоставление специфических услуг (транспорт, международный туризм: Панама, Доминикана, в своё время — Куба). Социологическим следствием “анклавных” экономик, является неразвитость среднего и мелкого бизнеса, большая разница в доходах “элит” и большей части населения, а её политическим следствием — формирование властной надстройки, связанной с производством и экспортом главных “анклавных” продуктов страны, надстройки, чуждой задачам отстаивания национальных интересов и создающей для удержания своей власти далёкие от подлинной демократии институты и изощёренный бюрократический аппарат. Новой, ещё более сложной формой экономической зависимости этих стран от технологически более передовых стали образованные в последние десятилетия мощными ТНК международные производственные комплексы (МПК).

Так произошло, я думаю, и в России, где высокая доля в ВВП таких анклавных отраслей, как добыча нефти и газа и не работающая на внутренний

рынок “оборонка”, создаёт неблагоприятную экономическую “однобокость” и зависимость от мирового рынка, которая острее всего поставила в наши дни задачу коренной модернизации экономики России как условия сохранения нашей национальной идентичности и политической независимости. Причём это происходит на этапе формирования нового высокотехнологичного мирохозяйственного уклада экономики, когда отставание от участия в этом процессе грозит дальнейшим усилением зависимости. Латиноамериканские страны, как, возможно, никакие другие, накопили обширный экономический и политический опыт борьбы по преодолению и смягчению последствий “анклавных” форм зависимости от центров силы. Изучать и распространять этот опыт в России – одна из основных, как я думаю, задач нашего общества, а также центров принятия стратегических решений.

Коста-Рика и Панама, две соседние небольшие, но от этого только более удобные для исследования страны для меня стали своеобразными “лабораториями” применения двух разных экономических моделей развития: так называемой неолиберальной модели, применяемой со своими особенностями в Панаме в интересах национальной и международной торгово-финансовой элиты, модели, на применении которой в российской её версии так упорно настаивает В. В. Путин и его экономическая команда, и костариканской экономической модели так называемого “третьего пути” развития, ориентированной в значительной степени на внутренний рынок и интересы, прежде всего, национальных предпринимательских кругов, эффективно встроенных, тем не менее, в систему международной торговли.

К сожалению, в России до сих пор отсутствует сколько-нибудь серьёзная открытая общественности площадка для обсуждения альтернативных моделей развития, а многочисленные совещания и клубы представляют собой преимущественно парадные мероприятия, целью которых является пропагандистское продавливание позиции властных структур, соответствующей интересам узкой группы сырьевых олигархов, к которой в силу внешних факторов недавно присоединился и государственный военно-промышленный комплекс. Суть этой позиции такова: поиск выхода из создавшейся ситуации без смены основной парадигмы развития (а скорее либерального тупика), построенной на экономически зависимой от внешних факторов и давлении финансовой системе, на сужении роли государства и отказе его от непосредственной экономической деятельности, коммерциализации его социальных, идеологических, культурно-нравственных и других патерналистских функций. Между тем, известно, что во многих странах мира, в том числе и в Латинской Америке, “это уже проходили”, и в рамках так называемого “устойчивого” развития и в ряде других случаев “наработали” множество различных сочетаний участия государства и частного сектора в экономической жизни, что, как мне кажется, можно было бы учитывать нашим экономическим “гуру”. Тем более, что в России среди научно-технической интеллигенции, части культурного сообщества и в пока ещё немногочисленном слое национально ориентированных предпринимателей вызывает широкий протест против однобокой экономической политики российских либерально-олигархических кругов. Надеюсь, что нижеследующий сравнительный анализ ключевых элементов противоположных исторических, экономических и социальных реальностей двух соседних стран Центральной Америки может послужить материалом для серьёзных размышлений на эту тему.

Этот анализ не является, строго говоря, научным, с его неперемными атрибутами – множеством цифр и графиков, а, скорее, обобщением наблюдений и опыта жизни и работы в этих странах, возможно, окрашенным собственным личным восприятием, основанным, однако, на фактах и исторических данных.

Созданная трудом “свободно собравшихся людей...”

Коста-Рика на 50 лет старше своей соседки Панамы, возникшей как современное государство в 1903 году, хотя населять территории, на которых сейчас находятся обе эти страны, испанские колонисты начали одновременно, в XVI веке. Костариканцы – потомки испанских колонистов, которые прибыли сюда в 1502 году на кораблях Христофора Колумба в его четвёртом и последнем плавании через Атлантику в поисках дороги к Вест-Индии. Ходят легенды, что это путешествие оплатили Колумбу бежавшие с юга Испании

от преследований правоверных католиков евреи-сефарды и морроны, иудеи-выкресты, тайно сохранявшие свою веру. Может быть, желая понравиться таким заказчикам, Колумб назвал этот край “Богатым берегом”, тем более, что приветливо встретившие его местные жители, женщины племени чоротеги, были украшены золотыми массивными литыми ожерельями. Такие ожерелья носят ещё и сейчас женщины народности куна, живущие на островах архипелага Сан-Блас Атлантического побережья Панамы. И как в своё время Колумбу, так и сейчас ни одному из туристов не удастся уговорить их расстаться с этими грубовато сделанными золотыми ожерельями. “Нет, это у меня от моей пра-пра...прабабушки, это не продаётся... Ни за какие деньги...” – чуть смущённо, но твёрдо отвечают они...

В отчаянных и жестоких по отношению к индейцам поисках золота приезжие колонисты уничтожили почти все населявшие эту страну немногочисленные племена и...остались один на один с миром душных прибрежных тропиков, высоких лесистых гор, увенчанных вулканами, проливными дождями, дающими жизнь стекающим с этих гор бурным и капризным рекам и ужасающей летней сушью местных саванн. Но им удалось всё же найти в центре страны, подалее от океанов, огромную, площадью 9 тыс. кв км долину, где климат круглый год походит на европейское лето, а земля плодородна, потому что насыщена минеральными солями – продуктами извержения вулканов. Именно здесь, в этой долине они начали создавать существующие и поныне поселения: Картаго, Сан-Хосе, Эредия, Алахуэла, Коронадо и другие. Сейчас это одноэтажные и малоэтажные города, окружённые плантациями кофе, зелёными пастбищами, нетронутыми зарослями субтропической растительности. Высокие здания здесь редки из-за частых землетрясений. Чтобы выжить без золота и рабов, без поддержки метрополии с минимумом рабочего скота и орудий именно они, белые люди начали упорно трудиться: заниматься земледелием, скотоводством, строить дома и дороги, выращивать кофе и сахарный тростник, пасти скот, создавать промышленность, так что созданные в центральной долине деревни постепенно сливались и создали нынешний полуторамиллионный город Сан-Хосе, ставший столицей одного из наиболее стабильных и в социальном, и в экономическом плане государств региона.

Первоосновой этой постепенно сложившейся социальной стабильности и относительного благоденствия и стал, на мой взгляд, тот самый “свободный труд свободно собравшихся людей”. Случай, уникальный и, пожалуй, единственный в Латинской Америке, когда совершился процесс зарождения и становления среднего класса собственников, создающих свои богатства преимущественно своим же трудом. И довольно справедливо распределяющих их. Когда испанский клир в лице епископа попытался обложить этих собственников церковной данью, этот трудовой люд взял в руки оружие и навсегда поставил католическую церковь на весьма скромное место в иерархии своих политических, культурных и общественных структур и ценностей. Хотя церковь в Коста-Рике не отделена от государства, и в государственной школе дают и религиозное образование, Сан-Хосе является единственной из латиноамериканских столиц, где на центральной площади города нет католического собора, но стоит здание Национального театра.

Страна стала самостоятельным государством впервые в 1823 году, когда торгово-ремесленный Сан-Хосе победил в столкновении с мексиканскими олигархами-монархистами и провозгласил на территории страны Республику, в 1824 году вошедшую в Конфедерацию из 5 самостоятельных центральноамериканских стран. Окончательную и полную независимость костариканцы обрели в 1850 году после распада конфедерации, а затем в 1856 году отстояли её еще раз в сражении против армии американского генерала-авантюриста “оужанина-рабовладельца” Уильяма Уокера.

Крупные владельцы плодородных земель центральной долины – их потомки называют кофейными баронами, – правнуки и праправнуки первых переселенцев из Испании обнаружили, что климат и почвы благоприятствуют здесь выращиванию кофе, одного из самых востребованных тогда, особенно в Англии, экзотических продуктов. В отсутствие, однако, достатка в рабочей силе они будут вынуждены дробить и передавать часть участков другим семьям, готовым выращивать кофе. Те же “бароны” затем начали создавать коллективные, а затем государственные формы сбора, обработки и экспорта кофе. При президенте Томасе Гуардия в Конституцию страны были внесены статьи, закреп-

ляющие положение средних и мелких производителей кофе, а потом и других культур и их поддержку государством.

К концу XIX века Коста-Рика подошла как заметный на мировом рынке производитель высококачественного кофе, для чего государство взяло под свой контроль и вопросы его качества, сахара-сырца, позднее – бананов. При этом именно государство стало гарантированным скупщиком и агентом-экспортёром значительной части производимых классом земледельцев экспортных товаров. На этом фоне вторжение в те годы крупного иностранного капитала в экономику страны в лице производителя бананов американской “Юнайтед Фрут Компани” было контрастным, хотя и болезненным для истории страны исключением. А как отчаянно сопротивлялись такому вторжению национальные предприниматели! Будет время, найдите и прочитайте об этом в романе известного костариканского писателя Хоакина Гутьерреса “Умрём, Федерико?”.

Мировой экономический кризис 1929–1930 годов показал костариканцам ущербность однобокого “анклавного” характера экономики и уже тогда вызвал к жизни политику её развития “внутрь”, то есть внутреннего рынка. Такая политика стала возможной в значительной мере потому, что, в отличие от соседних Никарагуа и Панамы, крупное латифундистское земледелие не стало здесь основным элементом хозяйствования. Аналогичные факторы действовали и в ремесленно-промышленных отраслях. Так, постепенно преобладающей формой землевладения и собственности и в агрокомплексе, и в промышленности стали здесь мелкие и средние хозяйства, кооперативы и национальные компании и фирмы. Развитые капиталистические рыночные отношения выросли здесь, в основном, изнутри, на национальной почве.

Глубокие экономические и социальные реформы произошли в этой стране и после Второй мировой войны, когда на фоне победы СССР и советского социалистического строя авторитет и влияние здесь коммунистической партии возросли вплоть до её попытки прихода к власти. Последовавшие не без вмешательства США события привели к гражданской войне 1948 года, репрессиям в отношении коммунистов и физическому уничтожению многих активистов. В этой внутренней схватке победил хозяин джутовых плантаций и лидер партии “Национальное освобождение”, предприниматель Хосе Фигейрос Ферреро. Однако он сделал из этих событий и весьма позитивные для страны выводы: провёл на конституционном уровне серьёзные реформы социального характера – распустил армию и направил все освободившиеся государственные бюджетные средства на создание системы обязательного и всеобщего бесплатного среднего и высшего образования и системы государственного социального страхования и здравоохранения. Позднее, в период 1970–1978 годов, при правительствах Хосе Фигейроса Ферреро, а затем Даниэля Одубера Кироса была повышена роль и участие государства в экономике: национализирована часть банковской системы, система энергетики, связи, нефтепереработки, дорожной и портовой инфраструктуры страны. Так политика развития “внутрь”, провозглашённая после мирового экономического кризиса 1929–1930 годов и продолженная в 1948–1968 годах привела к концу XX века к значительной диверсификации производства и экспорта и фактически вырвала Коста-Рику из длинного ряда стран с чисто “анклавным” типом экономики.

Ветры так называемой глобализации, а на деле – вывоза капитала “Империей”, в том числе и на свой латиноамериканский “задний двор”, не обошли и эту страну. В 90-х годах прошлого века прямое давление на руководство Коста-Рики с целью навязывания стране проектов приватизации энергетической компании ICE, телефонной RACSA и других не раз оказывал сам президент США Б. Клинтон, не говоря уже о многочисленных эмиссарах МВФ. Не получилось. Хотя частичные изменения в системе социального страхования, в форме привлечения к этой системе и в госкомпании частных фондов и капитала были внесены. На рынке мобильной телефонной связи появились иностранные компании. Были приватизированы операции в порту Кальдера, оператором международного аэропорта Сан-Хосе стала одна из английских компаний. Появились, но при условии инвестиций только в возобновляемые источники энергии, небольшие частные энергетические компании. Эти “точечные” изменения не смогли качественно изменить основной идеологический рисунок экономики и не изменили сложившегося в стране политического и экономического доминирования, я бы даже сказал, союза национального капитала, средней и мелкой буржуазии и обслуживающих эти интересы технократов,

интеллигенции, работающих в государственных институтах управления, в системе образования и здравоохранения.

Приход к власти в Коста-Рике в 2014 году впервые в её истории новой партии “Гражданское действие” во главе с технократом левоцентристского толка Гильермо Солисом вместо сменявших друг друга на протяжении всей истории этой страны двух традиционных буржуазных партий политически закрепил победу национальных концепций развития над сторонниками глобалистских, неолиберальных моделей, нацеленных на исчезновение исторически обусловленной национальной идентичности костариканского общества. И весьма примечательно, что победа центриста Гильермо Солиса могла бы и не состояться без сознательной его поддержки левых – “Партии широкого фронта” во главе с “чавистом”, как его здесь называют, Хосе Мария Вильальта. В результате сегодня интересы государственной технократии, социальных институтов, научно-технической и культурной интеллигенции и национально ориентированного бизнеса прочно обеспечиваются в Законодательной Ассамблее, где левоцентристским силам принадлежит конституционное большинство: 40 из 57 мест.

“Сшитая” по заказу ...

Панама была создана фактически искусственным образом, по решению США, в 1903 году из-за своего уникального географического положения. Но вначале, и тоже из-за уникального географического положения, здесь хозяйничали испанцы-конкистадоры.

Центральноамериканский перешеек, там, где находится эта страна, изогнут таким образом, что Атлантический океан является его северным, а Тихий – южным побережьем. Здесь перешеек довольно узок (до 65 км в зоне нынешнего Панамского канала) и расширяется к западу, к границе с Коста-Рикой, одновременно вздымаясь до 3475 метров над уровнем моря.

Корабли Колумба, высадив 18 сентября 1502 года испанских сафардитов и морронов-переселенцев на атлантический берег вблизи нынешнего костариканского порта Лимон, отправились дальше на восток и два месяца плутали вдоль извилистого, полного опасных корраловых рифов северного побережья перешейка в поисках вождя пролива к Южному морю, но так его и не нашли. Встретив новый 1503 год в наконец-то найденной удобной бухте, где ныне начинается атлантический вход в Панамский канал, Христофор Колумб сдался и повернул сначала к Ямайке и Никарагуа, а затем на родину, в Испанию. Он так и не узнал, что встречал новый 1503 год всего лишь в 65 км от побережья Тихого океана. Через 9 лет через зелёный ад горной панамской сельвы пройдёт вместе с отрядом верных ему солдат его соотечественник, разорвавшийся на родине испанский дворянин и офицер Васко Нуньес де Бальбоа.

Этот офицер, отправленный в 1510 году в Колумбию для усиления “ограниченного контингента” испанских завоевателей Америки во главе с Алонсо де Охедо в группе с другими командирами-конкистадорами, среди которых был и будущий жестокий покоритель перуанских инков Франциско Писарро, оказался довольно честолюбивым, инициативным и к тому же способным к изучению чужих языков парнем. Он счёл бесперспективной и ненужной жизнь бок о бок с весьма агрессивными колумбийскими аборигенами и перебрался на север, в малонаселённую сельву нынешней панамской провинции Дариен. Там, вместе со своими сподвижниками, которых он сумел убедить покинуть Алонсо Охедо и его команду, он основал первый в Центральной Америке город Санта-Мария-де-Антигуа и вывел у дружелюбных местных индейцев эмбера кратчайший путь к Южному морю. “Много рыбы там”, – говорили они ему, указывая на юг. И он основал вскоре на тихоокеанском побережье свой второй город, которому будет суждено быть названным именно так – “Много рыбы” или – на языке индейцев – Панама (ударение надо делать на последнем слове).

С этого дня в 1511 году начинается история города, где Васко Нуньес Бальбоа, однако, проживёт недолго. Королевский двор вскоре жестоко обидел отважного первооткрывателя самой стратегической точки Нового Света, через которую очень скоро в метрополию тоннами потечёт золото и серебро из перуанских Анд, и назначил туда губернатором вместо амбициозного, но обедневшего офицера престарелого титулованного служаку Педро Давила, поднаторевшего в дворцовых интригах. Как говорят, начальству виднее... И очень

скоро коварный и хитрый царедворец обвинил Бальбоа в “антигосударственной измене”, арестовал его и его четырёх ближайших товарищей и отрубил им головы. Правда восторжествует только через сотни лет, когда Панама станет самостоятельным государством и профиль головы Бальбоа украсит панамские монеты, а в центральной зоне набережной города, недалеко от яхт-клуба, ему поставят памятник, где он в полном рыцарском облачении указывает своей шпагой на юг, в сторону Перу – южноамериканского Эльдorado. Жертва, как это часто бывает, увековечена и никто не помнит её палача... А адмирал Христофор Колумб (по-испански Кристобаль Колон) будет впоследствии увековечен костариканскими поселенцами в наименовании их денежной единицы колона.

Панама постепенно обретала всё новых и новых поселенцев, в основном корабелов, строивших здесь суда для продвижения и захвата новых земель на побережье, переселенцев, осваивавших земли на западе – скотоводов и земледельцев, – и на долгие годы стала провинцией Новой Гранады или Колумбии. Попытки её отделения от Колумбии предпринимались местными землевладельцами-олигархами трижды. Впервые в 1841 году одна из таких попыток ненадолго увенчалась успехом. Тогда Республика просуществовала всего лишь 13 месяцев. Более длительная попытка федеративного устройства в составе Республики Новая Гранада состоялась в 1856–1886 годах. В самом конце этого периода Франция, благодаря энтузиазму инженера Фердинандо Лессепса, успешно построившего в 1852 году Суэцкий канал, затеяла строительство первой версии Панамского Межокеанского канала. Это оказавшееся авантюрным строительство было прервано в 1889 году из-за нехватки капиталов, из-за косившей рабочих-строителей “желтой лихорадки” и нехватки адекватных проекту строительных механизмов и машин.

Но всё пошло по-другому, когда в 1902 году Сенат США 42 голосами против 34 рекомендовал правительству США построить межокеанский канал не в Никарагуа с использованием самых крупных на перешейке естественных озер Манагуа и Никарагуа (как это ранее было предложено сенатской комиссией во главе с сенатором Морганом и как это делают сейчас китайские компании), а по территории северной колумбийской провинции Панамы в зоне уже построенной здесь в 1855 году американскими предпринимателями межокеанской железной дороги. Чтобы осуществить проект, Сенат поручил приобрести за 40 млн долларов концессию на строительство у прогоревшей французской компании *La Compagnie Nouvelle*, созданной когда-то Ф. Лессепсом. Это решение Сената и тогдашнего президента США Теодора Рузвельта так же, как и последовавшее в ноябре 1903 года ради его реализации отделение провинции Панама от Колумбии с воссозданием Республики Панама было одним из первых практических применений правящей элитой США доктрины Монро: “Америка для американцев”.

Вслед за провозглашением независимости 22 ноября 1903 года между Панамой и США было подписано Соглашение о Панамском канале, по которому 5% территории Республики попадает под юрисдикцию США, где и началось вскоре, а точнее – продолжилось начатое французами строительство межокеанского водного пути, в 2,2 раза сократившего расстояние между Тихоокеанским и Атлантическим побережьем США в сравнении с маршрутом через Огненную Землю. После завершения его строительства с августа 1914 года канал стал важнейшим инструментом империализма США в борьбе за окончательное утверждение своих позиций на юге американского континента и до сих пор, несмотря на состоявшуюся его передачу Панаме в полдень 31 декабря 1999 года, служит глобальным интересам, прежде всего, американских ТНК. Через канал в 2015 году прошло 15% всех внешнеторговых грузов США. Панамский канал вместе с межокеанской железной дорогой стали первыми хозяйственными объектами, созданными здесь иностранными инвесторами, и первыми объектами, положившими начало формированию своеобразной панамской экономики почти исключительно сервисного характера. Канал породил транспортные портовые услуги, за которыми последовали услуги торговые и финансовые. По мере роста объёмов международного торгового обмена росло и значение этих услуг и соответственно доля и влияние компрадорского капитала в экономике страны. К концу XX века, к моменту передачи канала под панамскую юрисдикцию согласно панамо-американским соглашениям 1977 года доля сервисного сектора в экономике страны составляла рекордные для стран латиноамериканского континента 78%.

А главными экономическими структурами в Панаме, определявшими и политический, и социальный ландшафт этой страны и её современную историю стали структуры, являющиеся фактически наднациональными, с её портовыми контейнерными терминалами на Атлантическом и Тихоокеанском побережье, с обработкой до 50 млн т грузов в год, со Свободной торговой зоной Колон на Атлантике, с беспошлинным ввозом туда товаров на сумму порядка 15–17 млрд долларов в год, с международным банковским центром, с международными активами, достигшими 70 млрд долларов в 75 панамских и 15 филиалах иностранных банков, с возможностями открытия в них счетов оффшорных компаний со всего мира. И, наконец, “национальное достояние” – Панамский канал с грузооборотом, достигшим 220 млн т в 2015 году. Всё это в чистом виде настоящий экономический “анклав”.

Правящая панамская элита – это компрадорская крупная местная и съехавшая сюда со всего мира буржуазия и её обслуга в лице сотен адвокатских, финансовых контор, транспортно-логистических фирм. Её интересы связаны в основном с торговыми, финансовыми и транспортными операциями не внутреннего национального, а международного характера. Эта элита транснациональна и сосредоточена в столице страны Панама-сити. Этот город, в отличие от скромного малоэтажного Сан-Хосе-де-Коста-Рика, похож на маленький тропический Нью-Йорк. Он космополитичен, точнее – американизирован и изо всех сил скрывает на своих задворках трущобы и исторические сокровища Старого города; он тянется в небо небоскрёбами офисных и банковских центров, дорогого жилья, торговых центров. Именно эта глобализованная Панама, как “среднюю температуру по больнице”, вытягивает макроэкономические и социальные показатели этой страны на неплохой среднестатистический для латиноамериканских стран уровень. Правда, похоже, как под копирку, на столицы многих других государств с “анклавным” типом экономики?

А ведь всё могло бы пойти и по-другому, если бы в 1902 году та самая часть панамской буржуазии, интересы которой были связаны с идеями либерализма европейского пошиба, не сдала революционного крестьянского вождя В. Лоренцо, заманив его на американский крейсер “Висконсин” для подписания договора о мирном урегулировании конфликта, что закончилось репрессиями, высылками из Панамы панамских либералов и расстрелом 15 мая 1903 года крестьянского вождя. Это Вам что-либо напоминает? Правильно. Москву октября 1993-го, когда и в нашей с вами истории случилась похожая на эту роковая развилка.

Правда, в 1968–1981 годах патриотически настроенные военные во главе с крестьянским сыном генералом Омаром Торрихосом, а потом вплоть до конца 1989 года во главе с другим генералом – Мануэлем Норьега – предприняли попытку по-иному подойти к вопросам экономического и социального развития страны, занялись формированием государственного сектора в энергетике, промышленности, создавали крестьянские кооперативы, массово отправляли на учёбу, особенно в СССР, молодых панамцев. В 1977 году генерал Омар Торрихос выполнил главную поставленную им перед собой задачу: он и президент США Джимми Картер скрепили своими подписями Договор о передаче под юрисдикцию Панамы межокеанского Панамского канала с постепенным выводом из зоны канала американской военной базы и командования Южноамериканской группы войск США в Латинской Америке. Была и такая.

В своё время генерал О. Торрихос, отвечая на вопрос одного из американских корреспондентов, “кем он хотел бы войти в историю Панамы”, ответил: “Я не хочу войти в историю, я хочу войти в Зону Канала”. Но он по полному праву вошёл в историю страны и не только как руководитель, добившийся передачи канала, но и как вписавший в Конституцию уникальную статью о национализации этого межокеанского пути, приватизировать который теперь можно только путём общенационального референдума.

Но “Империя” о своих интересах не забыла. В панамо-американском соглашении о передаче канала, по которому сейчас из 214 млн т грузов половина имеют своим происхождением или назначением порты США, есть статья, где чёрным по белому записано, что “в случае возникновения угрозы её национальным интересам со стороны США могут быть предприняты адекватные меры, вплоть до вооружённого вмешательства”.

И такие вмешательства и “адекватные” меры были предприняты. 31 июля 1981 года в так до сих пор до конца не расследованной авиационной катастро-

фе погиб Омар Торрихос, а через 8 лет в рождественские дни 1989-го США совершили вооружённое вторжение в Панаму, сожгли напалмом целый квартал Чоррильос Старого города, где рядом с его жителями была сосредоточена группа защитников города, свергли правительство Панама во главе с Мануэлем Норьега, арестовали его, осудили за “нелегальную торговлю наркотиками и оружием” и посадили в американскую тюрьму. Разумеется, следующее демократическое правительство США вполне устраивало. А когда, согласно договору Торрихос-Картер, 31 декабря 1999 года канал стал панамским и войска США покинули свои панамские казармы, интересы американских монополий и надёжность перевозок американских внешнеторговых грузов уже была обеспечена. Это главное, а национальные интересы глобализованной таким образом Панама и Всемирного Торгового и Финансового сообщества должны попросту совпадать.

Вот так образовалось две сегодняшних Панама. Одна – глобализованная до “совершенства и блеска” в интересах международных ТНК и банков и вторая, как говорят сами панамцы, скромная и пыльная – за мостом. Эта другая Панама, начинается почти сразу за мостом Америк, построенным над тихоокеанским входом в канал и разделяющим на 2 части американский континент: на Северную и Южную Америку. Там – за мостом – реальный производительный сектор экономики: энергетическая и очень разная дорожная инфраструктура, аграрное и промышленное производство, рыболовство, арбузные, дынные, томатные и сахарные плантации, там её индейское население в забытых Богом горных деревнях, а на границе с Коста-Рикой – не слишком обширные кофейные, банановые и апельсиновые плантации. Всё это производство нацелено в основном на внутренний рынок с весьма ограниченными экспортными операциями (бананы). И если уж сравнивать экономически Коста-Рику с её соседкой, то именно с этой Панамой, страной “за мостом” и надо проводить сравнение.

“Погуглив” в сети, увидим, что эти страны-соседки с территориями каждая чуть больше Нижегородской (Панама) и Московской (Коста-Рика) области, с населением 4 (Панама) и 5 (Коста-Рика) миллионов человек, демонстрируют относительно близкие макроэкономические достижения: по ВВП (2015 года) – 52 и 54 млрд долларов соответственно, в том числе на душу населения 12 (Панама) и 14 (Коста-Рика) тысяч долларов в год. Близки и бюджетные расходы правительств: 19,5 млрд долларов в Панаме и 14,9 млрд долларов в Коста-Рике. Международные рейтинги этих стран, включающие в себя более подробные экономические, технологические и социальные показатели, такие, как степень технологической диверсификации хозяйства (economic complexity index), на который мы позже обратим особое внимание, восприимчивость к технологическому и бизнес-развитию, степень демократизации управления обществом, здоровья населения, свободы личности, индекс человеческого развития в целом, в среднем “отбрасывают” Панаму лишь на несколько ступеней ниже Коста-Рики, но при этом обе страны находятся всё же (так же, как РФ) среди первой трети оцениваемого ряда из 220 стран мира. Учтём все эти в значительной мере “лукавые” и часто политизировано искажаемые показатели и посмотрим на коренные особенности костариканского “третьего” пути развития и “глобализованной” до блеска Панама.

Идеологический гигант и глобализованная служанка

“Юрий Николаевич, – воскликнул назначенный в 1994 году в Коста-Рику наш посол Николай Михайлович Елизаров, прочитав мой годовой отчёт в министерство “Об экономике и внешнеэкономических связях Коста-Рики”, – да это же социализм, который мы не успели построить!”

Конечно, никакого социализма в его марксистском понимании в Коста-Рике не было, нет и, вероятно, не будет. Её Величество Частная Собственность на орудия труда и средства производства здесь так же священна и почти повсеместна, как в США, Норвегии или РФ, но... на то и существует национальная история и национальная идентичность, чтобы её роль и место в разных обстоятельствах могли быть разными. И не кто иной, как папа Иоанн Павел Второй в своём послании к латиноамериканцам в 1981 году, заявив о безусловном “приоритете труда над капиталом”, тут же добавил, что “нельзя исключать из общественной жизни и социализацию, то есть обобществления средств производства, и что с этой точки зрения является неприемлемой жёсткая позиция,

защищающая догматически абсолютное право частной собственности на средства производства”. Это заявление папы, прозвучавшее во время его визита в страны Латинской Америки осенью 1981 года, получило и получает сегодня своё воплощение повсюду в мире.

С первой для меня чёрточкой социализма в стране я познакомился сразу после нашего приезда. В посольском микроавтобусе вместе с новыми коллегами и их жёнами я в 8 утра приехал на *Mercado Agropecuario*. Меркадо (рынок) располагался вокруг спортивной арены, где потом мы, бывало, смотрели и футбольные матчи, и своеобразную, бескровную костариканскую корриду. Разнообразие и живописность товаров, обычные в тропических странах, нас, приехавших из ужасающе дефицитной Москвы, поразило. Но сразу бросилось в глаза и запомнилось какое-то особое, *наше* достоинство продавцов, какая-то уверенность их в своём с вами равенстве, в том, что всё у них, конечно, купят, потому, как свежее товара и лучше в городе точно не найдёшь. Места на рынке оплачивались в живую очередь и всякий раз по приезде, постоянных торговых точек не было. Хочешь торговать – приезжай и торгуй, хочешь место получше – приезжай пораньше. Это была, во-первых, торговля без посредников, а во-вторых – цены на ВСЕ привезённые продукты были **ОПУБЛИКОВАНЫ** в специальном выпуске муниципальной газеты, то есть установлены на ЭТУ СУББОТУ государством, и никто не имел возможности предлагать свой товар **ДОРОЖЕ**. Дешевле – пожалуйста!.. Рынок? Конечно, рынок... Но и длань государства к месту... Умная, конечно, должна быть эта длань в рыночной среде, иначе производство можно и загубить – никто не будет продавать свой товар ниже себестоимости. Заключаю цифрами: по данным ФАО, производство в Коста-Рике сельскохозяйственных товаров для внутреннего потребления и на экспорт росло в 1990–2010 годах со средними темпами 5,8% в год, а их номенклатура для продаж на внешних рынках расширилась с 14 до 36 видов агропродукции. Доля продовольствия в импорте Коста-Рики составляет 7% (2015 год), продовольственная безопасность страны обеспечена на 93%.

Очень скоро мы познакомились и с панамскими рынками: единственным в городе сельскохозяйственным и ещё рыбным. На еженедельном рыбном рынке уже в 5 утра бойкие перекупщики выкупали с приплывающих лодок оптом тушки рыб, корзины креветок и прочих морских чудищ и тут же продавали их полусонным торговцам, хозяевам ресторанов и ресторанчиков, да редким прямым покупателям, охочим до местного колорита, наваривая свои проценты. Сельскохозяйственный рынок запомнился только широким спектром специй, огромными, как поросята, тушками арбузов, а ещё – грязными бетонными полами, мухами и жарой. Дланью государства на панамских рынках не пахло.

Это сравнение не в пользу Панама потом возникало не раз. Конечно, для того чтобы делать из сравнений выводы, надо учитывать множество факторов, важнейшим из которых для сельскохозяйственного сектора экономики является качество исходного природного капитала, в этом случае – качество земельных ресурсов, климат. Тут природа распорядилась явно не в пользу Панама.

Почти 1/3 территории Коста-Рики расположена в широкой долине-распадке между тремя вулканами Ирасу, Поас и Барба, к вершинам которых плавно, а иногда и довольно круто поднимаются зелёные, усеянные и ухоженные плантации всяческой всячины и, прежде всего, конечно, кофе сорта арабика, выращиваемого здесь на оптимальных для него высотах: от 1000 до 1500 метров над уровнем моря. Влажность, температура, почвы, насыщенные минеральными солями вулканического происхождения, сделали долину уникальной площадкой для выращивания кофе, 100–110 тысяч т которого ежегодно поставляются на мировые рынки. В Панаме условия для выращивания кофе оказались похуже: только на крайнем западе у границы с Коста-Рикой на площади около 7 тысяч га на склонах вулкана Бару – аналогичные условия, где ежегодно удаётся собрать лишь около 2 тысяч т кофе сорта арабика – в 50 раз меньше, чем в Коста-Рике, и всё... .

Сопоставление по производству кофе наиболее разительно, но и по другим аналогичным культурам, и экспортным, и для внутреннего потребления, оно аналогично. Обрабатываемых для сельскохозяйственного производства земель в Панаме всего в 2 раза меньше, и только 265 тысяч панамцев занято с/х трудом в сравнении с 565 тысячами костариканцев. Костариканцы, однако, производят в 6 раз больше свежих бананов, в 20 раз больше ананасов,

выращивают в 2 раза больше сахарного тростника, вылавливают в 3 раза больше рыбы и морепродуктов. Сегодня доля агросектора в ВВП Коста-Рики – 11%, в Панаме – лишь 3,5 %. Но самым разительным является то, что он полностью покрывает потребности Коста-Рики в базовых продуктах питания, включая продукцию животноводства.

Но не одни природные факторы, и это признают эксперты Межамериканского банка развития, сделали сельскохозяйственное производство в Панаме в 2–3 раза менее производительным и эффективным, чем в Коста-Рике. Не перечисляя эти причины, среди которых и ограниченный доступ к кредитам (это в заваленной долларами Панаме!) и к новым технологиям, наличие нетитулованных (не поставленных на кадастр) земель, слабая механизация и химизация почв, нехватка бюджетных вливаний в отрасль и т. п. – все эти так называемые причины являются лишь следствием того, что зарабатываемые местной компрадорской и иностранной буржуазией в “анклавных” секторах экономики – торговле, транспортировке и финансовых услугах – капиталы естественно тяготеют либо к совершенствованию и модернизации своих объектов в тех же секторах или, что ещё чаще, утекают благополучно в оффшоры. Сама природа этих прибылей – яркий пример гипертрофии экономической зависимости от внешних факторов политически независимого государства. Быть может, теперь, когда Панамский канал, это “национальное достояние республики”, после пуска в эксплуатацию в июне 2016-го его 2-й линии шлюзов станет приносить в бюджет до 1,5 млрд долларов в год (8% расходов бюджета), найдутся капиталы для развития и других секторов экономики? Может быть, и в Панаме начнётся, наконец, “развитие внутрь” по-костарикански? Может быть... Но пока эти дополнительные доходы государства идут на выплату кредитов, полученных для расширения канала, и на социальные выплаты: недавняя панамская программа “100 за 70” – увеличение Указом президента на 100 долларов пенсий лицам, достигшим 70 лет, – весьма напоминает полученные российскими пенсионерами в минувшем январе 5 тысяч рублей от правительства Медведева. Правда, панамский президент Хуан Варела оказался более щедрым: стодолларовая прибавка – ежемесячная... Впрочем, в Панаме нет армии, как и в Коста-Рике, и страна не страдает от санкций.

В промышленном секторе сравнение в пользу Коста-Рики ещё более разительно. Панамскому “анклавному” сектору потребовалась адекватное развитие инфраструктурных объектов: дорог, портовых сооружений, энергетических мощностей. Избыток полученных в нём капиталов направлялся более всего туда, в том числе в строительство жилья, торговых и офисных центров. За годы реализации в Панаме неолиберальных экономических подходов были приватизированы производство и продажа электроэнергии, нефтепереработка, закрылось хотя и ограниченное текстильное производство, предприятия парфюмерной и химической промышленности, не создавались новые мощности в пищевой промышленности, в производстве металлопроката. В так называемых Свободных экономических зонах иностранными инвесторами не было создано ни одного предприятия с полным или хотя бы частичным производственным циклом. В итоге за период 1990–2014 годов доля промышленности в ВВП Панамы сократилась с 8 до 6%, а весь реальный производственный сектор “скукожился” до 10% стоимости ВВП. Остальное приходится на услуги: торговые (22%), транспортные и связь (16%), финансовые (12%), строительство (11%), гостиничный сервис – 6%, государственные услуги управления – 3%, образование и здравоохранение – 3%, производство электроэнергии, водоснабжение, дорожные службы – 12%, прочие – 5%. В секторе услуг работают 72% экономически активного занятого населения Панамы. По показателю доли услуг в ВВП Панама занимает первое место среди стран Латинской Америки!

Рост доли услуг в хозяйствах большинства стран мира является всеобщим, не миновал этот процесс и Коста-Рику. Но в её хозяйственной структуре на реальный сектор приходится 39%, в том числе на промышленность и строительство 21,7%, сельское хозяйство – 18%. Около трети костариканцев заняты производительным трудом, 40% работают в сфере услуг, остальные – сотрудники сферы управления в органах власти, работники системы здравоохранения и образования. Сохранение позиций реального сектора как основы занятости – это, безусловно, результат проводимой правительствами страны в течение ряда десятилетий политики привлечения иностранных инвестиций, прежде всего, в создание промышленных предприятий с высокой долей

добавленной стоимости в производимой продукции, а также использование различных форм протекционизма и поддержки сельскохозяйственных производителей, невзирая на членство в ВТО. Промышленный сектор экономики страны состоит из трёх групп предприятий: к первой относятся предприятия, созданные иностранцами, работающими в режиме свободных промышленных зон (СПЗ); ко второй – национальные предприятия, работающие как на внутренний, так и на внешние рынки (ядро костариканского крупного и среднего бизнеса); к третьей группе – предприятия с участием как национального, так и иностранного капитала, производящие товары традиционного костариканского экспорта: бананы, ананасы, кофе, сахар-сырец.

Разная степень зависимости этих групп предприятий от внешнего рынка и возрастающая включенность их в международные цепочки инновационных технологических производств является главным экономически стабилизирующим фактором, а разнообразие товарной номенклатуры промышленности – от микропроцессоров до удобрений, резинотехнических изделий, металлопродуката из стали и алюминия, строительных материалов, продуктов питания – сформировало и продолжает развивать экспортный потенциал страны.

Многолетняя нацеленность всех, почти без исключений, компаний, предприятий и организаций на производство товарной продукции и услуг, одинаково конкурентоспособных и на внутреннем, и на внешних рынках является главным стратегическим отличием от многих других стран региона, всё еще замкнутых на “анклавный” тип развития. Этот стратегический подход дал поразительный результат: если в конце 80-х годов прошлого века 65% суммарных объёмов костариканского экспорта по стоимости составляли всего лишь 2 продукта – бананы и кофе, то в начале нового века их доля снизилась до 18%, а перечень экспортируемых товаров так называемого нетрадиционного экспорта расширился с 24 до 238 наименований. Даже после спада в объёмах костариканского экспорта до 9,5 млрд долларов, последовавшего после ухода в 2014 году из Коста-Рики Intel Corporation, экспорт на душу населения составил здесь 1905 долларов (для России это 1820 долларов с учётом экспорта минерального сырья и всего 370 долларов без него, а для Панамы после вычета “анклавных” доходов – 215 долларов).

Внешнеторговая политика всех правительств Коста-Рики, начиная с середины 80-х годов, являлась главным инструментом влияния государства на экономику для обеспечения интересов её самого широкого социального слоя: национальных предпринимательских кругов от крупных компаний до предприятий среднего и мелкого бизнеса, в том числе 408 кооперативных объединений в сельском хозяйстве и рыболовстве. Поскольку в России сейчас где только не говорят о том, что нечто аналогичное должно стать теперь и нашей задачей, стоит посмотреть внимательнее, как это у них делается.

Являясь одной из стран-основателей ВТО, Коста-Рика воспользовалась преимуществами, предоставляемыми Генеральной системой преференций ЕС и Карибской инициативой США, подключилась к различным многосторонним в рамках ВТО соглашениям: Соглашению о правах на интеллектуальную собственность, Соглашению министров стран – членов ВТО по вопросам обмена информационными технологиями, по вопросам сельского хозяйства и другим.

Увеличение объёмов и доли внешней торговли в стоимости ВВП страны, естественно, происходило и за счёт роста импорта. В этой связи заслуживает анализа и изучения проводимая костариканскими специалистами политика постепенного и взвешенного открытия своего рынка для ввоза товаров из-за рубежа. Средний таможенный импортный тариф, снизившись с 28 до 12% к 1995 году и до 5,6% к 2005 году, стал одним из самых низких в регионе. Вместе с тем, для продукции животноводства он составляет 15%, применяется квотирование для молочных продуктов, мяса бройлеров. Продолжаются упорные переговоры в рамках ВТО о снижении костариканцами тарифов в пяти подгруппах товарной номенклатуры, относящейся к продукции растениеводства, где они сохраняются на фактически запретительном уровне в 45–53%. Помимо таможенных тарифов, импортируемые товары облагаются различными другими национальными налогами. В условиях абсолютной монополии государства на местное производство алкогольной продукции (с содержанием алкоголя 30% и более) тариф на импорт в страну таких напитков составляет 100%.

В 1999 году в Коста-Рике было вынужденно прекращено действие закона о частичном освобождении от налогов компаний-экспортёров нетрадиционных

экспортных наименований, служившем серьёзным стимулом для них. Однако механизмы государственного содействия экспорту и здесь не исчезли, но кажутся теперь только предприятий мелкого и среднего бизнеса. Последние получают помощь в виде государственных программ информационного и методического плана, а также льготные кредиты государственных банков и коммерческих – под гарантии государства. В бюджете правительства страны на 2015 год около 1,55 млрд долларов (11%) бюджета направляется на программы поддержки сельского хозяйства и агроэкспорта.

Заслуживает внимания и созданная в Коста-Рике система взаимодействия государственных органов при проведении политики содействия развитию экспорта. Эту работу министерство внешней торговли страны (МВТ) осуществляет в координации с МИД и Министерством экономики и финансов. При сохранении за МВТ исполнительных функций инициирования и ведения двусторонних и многосторонних переговоров, МВТ совместно с министерством экономики и финансов разрабатывают и реализуют таможенную политику, они совместно представляют страну в ВТО и других аналогичных международных организациях, совместно с МИД МВТ решает вопросы введения торговых санкций в отношении государств, наносящих ущерб внешнеторговым интересам Коста-Рики в нарушение имеющихся двусторонних и многосторонних договорённостей. Министерство принимает также участие в решении вопросов предоставления иностранному и национальным инвесторам прав функционирования в режиме свободных промышленных зон, экспортного контракта или режима производства на экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью (в части определения их доли) или в вопросе лишения этих прав.

Министр внешней торговли председательствует на заседаниях созданного для координации внешнеторговой политики страны Консультативного совета по внешней торговле, в состав которого входят руководители министерства экономики и финансов, МИД, министерства сельского хозяйства, Союза ассоциаций экспортёров, Союза промышленников, Торговой палаты, Объединения представителей иностранных компаний в уже упоминавшейся выше CINDE.

Основную практическую работу по содействию национальным компаниям в осуществлении ими экспортных операций проводит созданная в 1996 году при МВТ отдельная хозрасчётная организация PROCOMER. Она руководит системой контроля качества и количества товарного экспорта и импорта в портах и других пунктах вывоза и ввоза внешнеторговых грузов, ведёт внешнеторговую статистику, разрабатывает программы поддержки и стимулирования экспорта для малых и средних предприятий, служит источником дополнительного внебюджетного финансирования МВТ Коста-Рики в части специальных программ развития экспорта.

Источниками финансирования PROCOMER являются экспортёры, уплачивающие 3 доллара с каждого экспортного контракта, и компании, использующие режим СПЗ, которые ежемесячно платят ей 0,5 доллара с каждого квадратного метра площади их промышленных зданий или 0,5% от объёма своих месячных продаж (на выбор), но в любом случае не менее 200 долларов в месяц. Кроме того, PROCOMER получает добровольно определяемые взносы отраслевых ассоциаций экспортёров и импортёров. Сайт PROCOMER www.procomer.com является главным источником информации о внешней торговле Коста-Рики.

Государственная система содействия внешнеторговой деятельности дополняется системой её заграничного обеспечения через посольства Коста-Рики. В каждое посольство МИД направляет сотрудника, отвечающего за работу по содействию внешней торговле с данной страной. Дипломаты, ведущие такую работу, в административном плане подчиняются МИДу, однако определение направлений их деятельности, составление планов работы и отчётность – совместная задача МИД и МВТ. Одним словом, внешняя торговля является и важнейшей частью государственного управления экономикой, и частью производства товаров и услуг. Нечто подобное сейчас предпринимается в Белоруссии, лишённой возможности использования “дармовых” природных ресурсов и вынужденной полагаться только на производительный труд и имеющиеся в стране производительные мощности.

Пишу об этом так подробно, пользуясь в том числе материалами, которые я направлял в Россию, будучи торговым советником посольства в период, когда монополии государства во внешней торговле уже не существовало

и велись переговоры о вступлении РФ в ВТО. “Процесс пошёл...” Центробанк стал автономной организацией. Ввоз и вывоз капиталов стал свободным. В 2002 году в рамках этого “процесса” были закрыты торговые отделы (представительства Минэкономразвития РФ) в десятках стран мира, в том числе в 7 странах Латинской Америки. Были закрыты и преобразованы отделы посольств, торговые представительства в Бразилии, Аргентине, на Кубе. Позднее функции реализации внешнеэкономической политики были “размыты” и распределены между департаментами МИДа и Министерства промышленности. В итоге сегодня в России нет государственных органов, способных системно и эффективно в стране и за рубежом осуществлять естественную и так нужную сейчас в условиях внешнеэкономических и финансовых санкций со стороны Запада политику содействия диверсификации и технологического насыщения нашего экспорта, повышения эффективности экспортных и импортных операций, контроля за использованием государственных внешних и получаемых из-за рубежа кредитов, наконец, использования в этих же целях нашего членства в ВТО. Так, как это делается в Коста-Рике.

Между прочим, костариканское правительство с учётом важной роли внешней торговли в экономике страны в 2008 году вынесло на общенародный референдум вопрос о заключении с США – основным торговым партнёром Коста-Рики – Соглашения о свободной торговле. “ДА” народа было получено правительством с перевесом всего в 1,3% голосов. В России же депутаты Государственной думы ратифицировали соглашение о вступлении России в ВТО, не имея под рукой даже текста этого соглашения и Устава ВТО на русском языке.

Сохранение, вопреки нелиберальным рецептам, стратегической роли государственного сектора в экономике страны является фактором, обеспечивающим относительно высокий уровень защиты экономики страны от внешних негативных воздействий. Государственное участие охватывает стратегически важные инфраструктурные отрасли: энергетику и связь – вертикально интегрированные технологические госкомпании Instituto Costarricense de Electricidad (ICE) и Radiografica Costarricense (RACSA), нефтепереработку (RECOPE), железнодорожный транспорт. Государству принадлежит монополия на производство алкоголя с градусом выше 30, асфальта, на внешнюю торговлю сахаром-сырцом (самый трудный товар для продаж на экспорт!), три крупнейших в стране банка – государственные. Государство в лице специальных скупочных контор приобретает у производителей излишки сахара-сырца, кукурузы, риса и кофе. Кофе принимается даже с приусадебных участков от граждан, но только в один определённый заранее день приёма. Это – традиция.

Неотрывна от экономической и социально стабилизирующая роль государства в системах социального страхования, образования, здравоохранения. Государство устанавливает оптовые и розничные цены на топливо и электроэнергию, товары, составляющие основу потребительской минимальной корзины, учебники, школьные принадлежности.

Среди костариканцев практически всеобщим является неприятие снятия с государства его обязанностей не только в социальной, но и в сфере трудовых отношений, в обеспечении базовых потребностей человека. В 1998 году мне довелось увидеть реакцию служащих государственной костариканской энергетической компании ICE на попытку правительства демохристиан Мигеля Анхеля Родригеса добиться одобрения Законодательной ассамблеей закона, разрешающего его частичную приватизацию. Как только появилась реальная угроза его одобрения, парламент, не без попустительства полицейских, был окружён сотнями служащих компании, возглавляемых профсоюзами ICE, которые заявили на языке лозунгов, что не выпустят живыми из стен парламента ни одного из законодателей, если закон будет принят. А до того профсоюз дошёл до сведения своих “сотоварищей” факты массовых увольнений панамцев после приватизации панамской государственной энергетической компании. Этого было достаточно, чтобы привести к стенам парламента почти всех служащих и членов их семей. Для пущей убедительности в руках демонстрантов были увесистые булжники. Закон был отклонён. Больше демохристианское и никакое другое правительство к теме приватизации ICE не обращалось.

Такая широкая и стабильная государственная экономическая и социальная поддержка была бы невозможна без контроля и управления правительством государственными банками и, прежде всего, Центральным банком –

Banco Central de Costa Rica. Расходная часть бюджета правительства Коста-Рики традиционно превышает, и довольно значительно, его доходную часть, инфляция в размере 11–15% и минидефляция местной валюты колона в Коста-Рике – привычное явление в стране. Финансирование дефицита за счёт выпуска государственных ценных бумаг, покупаемых в основном контролируемые государством компаниями, естественно, конечно, декапитализирует их. Это не может не сказываться на показателях экономической эффективности работы последних, старении их производственных фондов. Соответственно растут внутренний и внешний долг правительства страны. Такова цена этого социального сглаживания, позволяющего, тем не менее, сохранять платёжеспособность костариканцев, поддерживать национального производителя и обороты внутреннего рынка для основных и, главным образом, продовольственных товаров.

Однако для Коста-Рики роль государственной поддержки в социальной сфере выходит за рамки экономической эффективности и связана в большей мере с историческими традициями и особенностями становления хозяйственной жизни страны в эпоху первоначального накопления капитала с превалирующей ролью в этом мелких и средних хозяйств. Надо также иметь в виду наличие в стране традиций активных форм сопротивления антисоциальным мерам в лице профсоюзов и профессиональных объединений трудящихся, интеллигенции, препятствующих попыткам устранить из жизни костариканцев элементы социальной стабильности, в том числе и завоёванные ими в итоге сложных событий 1946–1948 годов. Эти меры включают, например, такие необычные формы, как публичные прайс-листы частных медицинских услуг, утверждаемые профессиональными ассоциациями. Например, дантистов. Попытки недобросовестного стоматолога перешагнуть ценовой порог, установленный Ассоциацией стоматологов для какой-либо конкретной услуги, может обернуться в Коста-Рике жалобой пациента в Ассоциацию и наказанием нарушителя вплоть до лишения его лицензии.

Пожалуй, есть ещё один фактор, способствующий экономической и социальной стабильности в этой стране. Речь идёт о тщательно поддерживаемом и пропагандируемом имидже Коста-Рики как места, где заботливо охраняются её природа, животный и растительный мир. Треть площади страны объявлена территориями национальных парков, включая многокилометровую линию пляжей, в основном, на Тихоокеанском побережье. Специализируясь на так называемом экологическом туризме, Коста-Рика ежегодно привлекает не менее 2 млн туристов, больше, чем все другие страны Центральной Америки, включая Панаму, где туризм на 80% носит чисто деловой характер. Приток поступлений от туризма в два раза превышает объёмы прямых инвестиций из-за рубежа в экономику, часть которых также связана с туристической деятельностью. Практически благодаря доходам от туризма, составляющим около 2 млрд долларов ежегодно, правительству и Центробанку удаётся компенсировать и дефицит госбюджета, и отток из страны прибылей работающих здесь иностранных компаний, обеспечить наличие на экономически безопасном уровне объёмов валютных резервов (1,4–1,5 млрд долларов), выплаты по внешнему долгу.

Для подтверждения этого имиджа и реального обеспечения любимого лозунга костариканцев: *COSTA RICA – PURA VIDA!* (КОСТА-РИКА – ЧИСТАЯ ЖИЗНЬ!), порой используемого костариканцами и в форме заздравного тоста, вроде нашего “Будем здоровы”, опять-таки никто другой, а именно государственные институты и правительство страны прикладывают немало усилий и вкладывают значительные средства в реализацию разнообразных программ экологической направленности.

Давно являясь лидером среди стран региона в доле использования возобновляемых источников энергии в экономике, 15 января 2017 года Коста-Рика объявила, что закончила программу полного перехода на использование возобновляемых природных ресурсов для производства электроэнергии. 82% из выработанных ИСЕ в 2016 году 10 876 млрд квт/ч получено от ГЭС, 11% – от ветровых электростанций, 7% – от использования геотермальных источников. Этот объём не включает в себя частные источники потребления солнечной энергии. Коста-Рика вошла, таким образом, в мировую энергетическую элиту, раньше неё в этот элитарный клуб вошли Исландия, Норвегия и всего лишь ещё 5 стран мира.

Подписав в 1998 году в рамках Киотского протокола обязательства по сокращению выбросов в атмосферу двуокси углерода, костариканское прави-

тельство, с учётом того, что на территории страны с созданием национальных природных парков происходит естественное производство кислорода и озона, объёмы которого можно рассчитать математически, предложило правительствам промышленно развитых стран – производителям двуокиси углерода – и, в первую очередь, США заключать с Коста-Рикой двусторонние межправительственные соглашения. Такие соглашения, по замыслу костариканцев, могли бы предусматривать продажу на международных биржах костариканского кислорода и озона в виде костариканских государственных бумаг-акций, компании-покупатели которых могли бы получать от правительств стран – загрязнителей воздуха налоговые льготы в случае проведения ими технологических мероприятий или осуществления затрат на очистные сооружения. С США такое соглашение было подписано в 2001 году.

В Коста-Рике с 2006 года запущена программа оказания содействия правительством страны через муниципальные образования сбора и промышленной переработки (с прицелом на экспорт!) промышленных и бытовых отходов. Недавно мне удалось найти в сети видеоматериал о работе одного такого костариканского предприятия, перерабатывающего в год 11 тысяч т полиэтиленовых бутылок в цилиндрики для производства и экспорта из Коста-Рики медицинских шприцев, пользующихся постоянным и растущим спросом на мировых рынках.

В итоге по показателю объёмов выбросов в атмосферу двуокиси углерода, где США занимает “почётное” 1-е место (16,4 тысячи т в год), РФ – 23-е место (12,5 тысячи т), Панама – 111-е (2,7 тысячи т), костариканская PURA VIDA характеризуется цифрой 1,6 тысячи т в год (128-е место). Меньше только в африканских и азиатских странах, не перегруженных производственными мощностями...

Социальный срез

Итак, костариканцы, в отличие от их панамских соседей, в силу комплекса исторических, природных и экономических особенностей, в эпоху тотальной глобализации сумели отстоять свою идентичность, сохранили и преумножили, в том числе за счёт иностранных капиталовложений, производственные мощности, защитили национальных сельскохозяйственных производителей, диверсифицировали экспорт, а в политической области впервые в истории страны привели к власти представителей национальных технократических кругов, научной, культурной и технической интеллигенции в лице Широкого левого фронта в союзе с мелкой и частью средней буржуазии реального сектора экономики.

В социальной области за счёт отказа от навязываемых стране рецептов МВФ – борьбы с дефицитом госбюджета и инфляцией, свято соблюдаемых в том числе и у нас в России путинской экономической командой, сохранили практику финансового насыщения и подпитки потребностей внутреннего рынка, а также финансового стимулирования экспорта путём минидевальвации местной валюты. Дефицит бюджета постоянно находится на уровне 10–12% от ВВП, валютные резервы сохраняются на уровне 1–1,5 млрд долларов в основном за счёт доходов от туризма. Сохранены стратегически важные позиции государства в экономике и в социальной области. Остаются на закреплённом в законе уровне 6% ВВП расходы в области образования и здравоохранения. Для поддержания на приемлемом уровне платёжного баланса страны своевременно задействованы природные ресурсы в целях развития международного туризма и притока валюты.

“Идеологическим гигантом” назвал маленькую Коста-Рику профессор экономики Калифорнийского университета (США) Кармело Меса Лаго на состоявшейся в Панаме в 2003 году конференции Фонда Фридриха Эберта, посвящённой социально-экономическим последствиям применения неолиберальных рецептов развития в эпоху глобализации в странах Центральной Америки. Согласимся с этим, а чуть ниже поделимся своими соображениями, почему именно “идеологическим” гигантом назвал эту страну американский профессор.

В Панаме же в условиях фактического отказа от концепций развития “страны за мостом”, ставка местной космополитической буржуазии полностью связана с потребностями развития “анклавного” сектора экономики, с поддержанием экономической стабильности за счёт иностранных инвести-

ций в инфраструктуру, в том числе и принадлежащую государству. По мне, все это очень напоминает, несмотря на все произносимые с экранов лозунги, российскую стратегию развития или, если угодно, “застоя”.

А теперь о социальном срезе. Познакомившись поближе с Коста-Рикой, мы видим, что основную часть её многочисленного среднего класса, которому принадлежит не менее половины получаемых в обществе доходов, составляют средние и мелкие предприниматели, которые, во-первых, являются классом производителей, во-вторых – национальным и в-третьих – всячески поддерживаемым государством. Это и есть “идеология” развития костариканского общества, которой упорно придерживаются правящие элиты страны. Да и само костариканское государство является сейчас государством в наибольшей степени, может быть, как никогда ранее, выражающим интересы именно этого класса.

А нам-то что?

В самом деле, а нам то что от всего этого сравнения Коста-Рики с Панамой? Мы давно знаем, что стабильность в капиталистических странах обеспечивается тем надёжнее, чем шире и обеспеченнее там средний класс. Примеры этого известны. Скандинавский “социализм”, например. Теперь вот “костариканский”. Понятно, что левоцентристские повороты, случающиеся в странах Латинской Америки, тем более стабильны, чем больше там среднего класса, согласного с такими поворотами. Этим объясняется относительно длительная стабильность в Уругвае, Аргентине и ненадёжность и зыбкость правительства Мадуро в Венесуэле после смерти её харизматического лидера Уго Чавеса. Незавершённая формирование бразильского класса национально ориентированных собственников, которые могли бы поддержать правительства Игнасио Лулы и Дильмы Русефф, привела к недавнему повороту страны назад, к консервативной экономической и социальной модели. И наконец, как должна формироваться новая экономическая модель на Кубе для сохранения её социалистических завоеваний с учётом начавшегося там процесса формирования класса мелких и средних собственников?

Думаю, что для нас с вами важно, что описанный костариканский и панамский примеры развития, современная латиноамериканская и наша история, примеры других стран указывают на необходимость внимательного рассмотрения положения и структуры ожиданий класса российских средних и мелких собственников как ключевой социальной группы для развития экономики, высокотехнологичного экспорта и союза с трудящимся классом. Как его развивать? Какие из его интересов на данном этапе являются для нас общими? Каким образом можно было бы повлиять на его электоральную позицию на предстоящих выборах? А быть может, убедить его проголосовать за лозунги и предложения патриотической оппозиции в его же интересах и интересах широких народных масс? Ответить на эти вопросы кратко, очевидно, невозможно. Для целей же заключения моего сравнительного анализа осмелюсь предложить следующее.

1. Этого и десятков других примеров эффективности альтернативных неолиберальных модели развития, на которые неоднократно указывали в своих работах многие российские экономисты, аналитики и советники исполнительной власти – С. Ю. Глазьев, М. И. Делягин и другие, – должно быть уже достаточно, чтобы, наконец, развенчать, во всяком случае, в ходе предстоящих предвыборных дебатов позицию властвующей, но доживающей последние дни перед лицом возрастающих угроз, односторонней, консервативной и нерешительной финансово-экономической политики правительства России, начисто лишённой социально взвешенной идеологии и адекватной оценки складывающейся ситуации.

2. Тем не менее, очевидно, что реально нынешняя власть не пойдёт на коренное разрушение созданной ею экономической модели “анклавного типа” и сырьевого прироста Запада. Для превращения этой модели в отвечающую требованиям времени модель мобилизационного типа, сочетающую в себе курс на новую высокотехнологичную индустриализацию, диверсификацию экспорта с одновременной ориентацией на внутренний рынок и на национальные трудовые ресурсы, модель, обеспечивающую экономическую, продовольственную и военную безопасность страны, необходимо использовать

незадействованную до настоящего времени в обществе новую социальную силу.

3. Социальной силой, которая могла бы выполнить эту задачу, может быть в нынешних условиях союз научной, инженерно-технической и патриотической части культурной интеллигенции страны с классом средних и мелких предпринимателей, отодвинутых от власти олигархами, и не связанных ни экономически, ни идеологически с олигархическими кланами и присутствующим в России иностранным капиталом. Это союз должен быть как можно быстрее оформлен политически в качестве ядра для сплочения вокруг него как можно более многочисленного слоя сторонников.

4. Положение среднего класса и класса мелких собственников, к которым у нас, в силу его ограниченности и слабости, можно отнести не только предпринимателей, хозяев ООО и ИП, но и “свободно занятых” физических лиц, а также собственников земельных участков, квартир, гаражей и т. д., в последние годы серьёзно ухудшилось и продолжает ухудшаться. Именно эта социальная группа, сконцентрированная в больших городах, проголосовала “ногами” на прошлых выборах в Госдуму. Именно эту социальную группу, которая включает в себя и значительную часть “думающей” интеллигенции, не заметила, проигнорировав её интересы в своей прошлой предвыборной агитационной компании, КПРФ. Лозунги и митинги “против взносов на капремонт” и платных парковок хороши для бедных слоёв, которые, кстати, отнюдь не всегда голосуют за оппозицию, если вообще голосуют. Эти лозунги “не про класс средних и мелких собственников”. Требования этого класса экономически более остры, но и выигрышны, и могли бы касаться налоговой политики и практики властей, коррупции и “басманного” правосудия, отношения власти к кооперативной, некоммерческой деятельности (ЖСК, ГСК, ТСЖ, СНТ), чинимых властями препятствий для развития других кооперативных форм бизнеса, снижения для мелкого и среднего бизнеса налоговой нагрузки, цен на ресурсы и ставок на кредиты и т. д. Реальный протест можно было развернуть летом прошлого года против массового сноса торговых сооружений, киосков и палаток в Москве, процесса, который продолжается и сейчас в угоду крупным торговым сетям, на 90% принадлежащим иностранным торговым ТНК.

5. Необходимо, наконец, и в тактических соображениях в том числе, искать и находить формы взаимодействия с политическими структурами, стоящими на патриотической платформе, но до сих пор считавшимися в КПРФ идеологически неприемлемыми. Надо признать, что всю эту работу надо вести для формирования широкой коалиции патриотических сил с целью смены власти и экономической модели развития страны.

Литература

1. Ф. Кардозо, Э. Фалетта. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002.
2. Энциклопедия “Латинская Америка”. Авторский коллектив ИЛА РАН. М., издательство “Экономика”, 2013.
3. С. Mesa-Lago. Desarrollo socio-económico en Costa Rica: una tercera vía del desarrollo? Fundación Friedrich Ebert. Materiales de la conferencia“. Resultados de la aplicación política neoliberal en Centroamérica, años 1990–2002, Panamá, marzo 2003.
4. www.comex.go.cr Web-страница министерства внешней торговли Коста-Рики.
5. Compendio de Leyes sobre Comercio Exterior, San Jose, Costa Rica, 2000.
6. www.procomer.com Web-страница организации PROCOMER при МВТ Коста-Рики.
7. Panama en cifras, Contraloría General de la República? 2011–2015.
8. www.worldbank.org, www.pancanal.com, www.hacienda.gov.cr и другие.